

Мои замѣтки и воспоминанія.

(Автобіографическія записки Высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, Митрополита Московскаго ¹⁾).

1887 г. Июль-Июль.

Пора мнѣ оглянуться на прошедшее. Въ преполовеніи 7-го десятка лѣтъ жизни естественно воспоминать старое прожитое время, во всякомъ случаѣ поучительное, по крайней мѣрѣ для себя и для другихъ нѣкоторыхъ. Многіе пишутъ дневники, такъ называемые. И записываемыя изо дня въ день событія частныя и общія—интересны по живости и свѣжести впечатлѣній; но часто они страдаютъ по самой живой современности недостаткомъ безпристрастія. Воспоминанія, замѣтки о прошедшемъ, теряя въ живости, выигрываютъ въ положительности исторической и трезвости взгляда на жизнь и событія времени.

Первоначальное воспитаніе.

Начну съ сего. Родился въ 1822 г. Генваря 22-го, какъ самъ я въ дѣтствѣ узналъ изъ помѣтки дѣда моего въ современномъ календарѣ. Первоначальное дѣтство мое прошло въ слободѣ Новой Калитвѣ (Воронежской губ. Острогояскаго уѣзда), какъ обыкновенно проходитъ дѣтство въ быту семействъ духовныхъ. Особенныхъ впечатлѣній первыхъ годовъ дѣтства у меня не сохранилось въ памяти, да ихъ и не было. Читать и писать я выучился скоро, на 9-мъ году, и помню, что часто читалъ для своего дѣда престарѣлаго (88 л. умеръ) заштатнаго уже протоіерея Даніила Лебединскаго богослужебныя книги, которыя онъ выслушивалъ лежа большей частью на одрѣ по болѣзни и исправляя мои ошибки по памяти. Дѣдъ мой былъ знаменитый прото-

¹⁾ Предлагаемыя читателямъ автобіографическія записки печатаются по собственно-ручному оригиналу † Митрополита Леонтія, писанному, какъ значится на обложкѣ рукописи, въ 1887 году. *Ред.*

іерей въ свое время. Не получивъ никакого образованія, онъ обладалъ крѣпкимъ разсудкомъ и огромной начитанностью. Имѣлъ онъ хорошую бібліотеку. Для слободы Новой Калитвы онъ былъ дорогъ и памятенъ остался навсегда по своей дѣятельности, онъ выстроилъ превосходную церковь въ слободѣ, трехпрестольную, существующую даже въ лучшемъ видѣ. Скончался онъ 1831 г., заблаговременно передавъ мѣсто священника своему сыну, моему отцу Алексѣю. По времени рожденія я былъ третьимъ (всѣхъ было 7 дѣтей).—На 10 году ¹⁾ у меня явилась страстная охота учиться,—и я настаивалъ, чтобы меня везли въ Павловское духовное училище, хотя срокъ для пріема давно окончился. Я поступилъ въ училище тогда такъ называемое приходское двухклассное уже въ Октябрѣ 1832 г. принятымъ, впрочемъ, прямо во 2-й классъ. Наука скоро далась мнѣ, и я къ концу года занялъ первое мѣсто въ спискѣ разрядномъ. Въ 2-мъ классѣ учителемъ у насъ былъ нѣкто Минервинъ, знающій свое дѣло, но съ нѣкоторымъ самодурствомъ. Не разъ случалось намъ мальчикамъ просидѣть классъ безъ учителя, или иногда и при немъ безъ надлежащихъ занятій. Случилось какъ-то, — просидѣли мы послѣобѣденный урокъ (отъ 2 до 4 часовъ) и учителя не дождались; пробили звонокъ и мы оставили училище, не успѣвъ я добѣжать до квартиры, а она была близко, зовутъ меня и возвращаютъ съ дороги другихъ учениковъ. Учитель въ возбужденномъ состояніи входитъ въ азартъ, бранится, и меня—какъ старшаго въ классѣ подвергаетъ наказанію,—и затѣмъ распускаетъ всѣхъ по домамъ. Сдѣлалъ расправу,—и конецъ.

Жизнь въ Духовномъ Училищѣ.

Въ 1833 г. въ уѣздное училище, какого не было въ г. Павловскѣ, я долженъ былъ отправиться въ Воронежъ для поступленія въ третій классъ, или, какъ тогда говорили, въ низшее отдѣленіе уѣзднаго училища. Въ Воронежѣ училище было переполнено учениками. Было по два отдѣленія въ

¹⁾ Когда я былъ лѣтъ 8-мя, ловилъ однажды съ моста удочкою рыбу. Кто-то изъ мальчиковъ толкнулъ меня, и я упалъ въ довольно глубокую рѣку Калитву, и пошелъ ко дну. Къ счастью сапоги у меня просторные, вода набравшаяся въ голенищи сама сняла ихъ съ ногъ, и я вскрикнулъ. Тотчасъ подхватили меня на лодку и спасли.

классъ, и всѣ они имѣли по сту и болѣе учениковъ. Понятно, какъ трудно было учителямъ слѣдить за успѣхами воспитанниковъ. Помогали, такъ называемые, аудиторы, или потатчики изъ лучшихъ учениковъ, которые предварительно выслушивали уроки другихъ по росписанію учителей, и записывали въ такъ называемомъ номерѣ степень знанія урока знаками *s*, *er*, *nb*, *ns*, т.-е. *scit*—знаетъ, *erranter*—ошибочно; *nb*—нехорошо, *ns*—nescit—не знаетъ. Отмѣтки эти полагались къ приходу учителя на столѣ,—и онъ, по своему усмотрѣнію повѣрялъ ихъ. Недобрыя сцены припоминаются при повѣркѣ ихъ. Жестоко наказывали розгами неисправныхъ, а стояніе на колѣняхъ за партой, или у порога—было обычно. Обращеніе съ учениками было вообще суровое, и часто безтактное. Греческій языкъ и церковный уставъ въ нашемъ 1-мъ низшемъ отдѣленіи преподавалъ учитель—нѣкто С. П. Кутеповъ. Самъ онъ плохо зналъ свой предметъ, а любилъ рисоваться, и казаться знатокомъ. Разъ какъ-то пріѣхалъ на урокъ ректоръ Семинаріи, архимандритъ Варлаамъ (бывшій послѣдствіи архіепископомъ Tobольскимъ, и скончавшійся на покоѣ въ Бѣлгородскомъ монастырѣ). Учитель сразу струсилъ. Начинаетъ ректоръ спрашивать одного, другого ученика; оказываются ошибки въ переводѣ на русскій языкъ; ученикъ конфузится. Ректоръ обращается къ учителю: „Поправь, скажи самъ“,—а сей самъ сказалъ новую ошибку. „Дуракъ ты, учитель,—самъ не знаешь“. Тутъ и большая грамматика греческая Лящевского, которую держалъ въ рукахъ Кутеповъ, не помогла. Вышла сцена пресмѣшная. Какой же авторитетъ могъ имѣть учитель такой предъ мальчиками! Этотъ же господинъ приходитъ въ классъ однажды на послѣобѣденные часы, минутъ за 20 до окончанія урока церковнаго устава въ нетрезвомъ видѣ. Мы, мальчики, соскучившись долгимъ ожиданіемъ наставника, распалились, барахтались среди класса и конечно, подняли пылъ. Вдругъ входитъ Кутеповъ съ бранью, крикомъ. Быстро ушли мы на свои мѣста за парты. Кутеповъ подходитъ ко мнѣ и вопить: „Ты цензоръ, ты виноватъ въ шумѣ и безпорядкѣ“,—хлопъ меня своею огромною ладонью по одной щекѣ, потомъ по другой; „къ порогу“, закричалъ затѣмъ,—и меня раба Божія—сильно наказали, напрасно, можно сказать. Что могъ сдѣлать я, мальчикъ, хоть былъ я и цензоръ въ классѣ, съ

другими шалунами, коихъ было достаточно въ сотнѣ учениковъ? Заносу фактъ въ свои замѣтки потому, что онъ на всю жизнь оставилъ во мнѣ впечатлѣніе тяжелое, и въ послѣдствіи послужилъ мнѣ урокомъ для благоразумнаго обращенія съ дѣтьми, когда самому пришлось быть начальникомъ духовно-учебныхъ заведеній.—

Въ 1-мъ высшемъ отдѣленіи или въ 4-мъ классѣ Воронежскаго училища мнѣ пришлось быть недолго, только первую треть, по случаю открытія въ г. Павловскѣ уѣзднаго училища 3-го и 4-го классовъ. Однакожь и одна треть эта мнѣ памятна съ нѣкоторыхъ сторонъ. Здѣсь преподавалъ латинскій языкъ о. смотритель училища соборный іеромонахъ Игнатій, а греческій—іеромонахъ Теофилактъ. Кстати вспомнилъ я, что въ 3-мъ классѣ латинскій языкъ преподавалъ инспекторъ училища священникъ Никаноръ Глаголевъ во всѣхъ отношеніяхъ умѣло. Былъ онъ горячъ, но добръ, и мы любили о. Никанора, бойкаго, живого. О. Игнатій съ манерою іезуита былъ очень аккуратенъ, и зналъ свой предметъ хорошо, но мы его не жаловали за притворство. Корчилъ онъ изъ себя аскета, не будучи такимъ на дѣлѣ. До смѣшнаго иногда доходили его выходки. Въ классѣ у насъ, въ самые лютые морозы—не топили; холодъ заставлялъ мальчиковъ бить сапогъ о сапогъ, чтобы согрѣть ноги; отъ этого происходилъ шумъ въ классѣ. „Что вы, что вы, дѣти? Духомъ Божиимъ грѣйтесь“. пѣвучимъ тономъ говоритъ о. Игнатій,—а самъ сидитъ въ креслѣ въ тепломъ подрясникѣ, въ теплой рясѣ, и въ теплѣйшихъ сапогахъ, или иногда въ котлахъ. Руки до того зябли у насъ, что нельзя было писать, перо валилось изъ рукъ отъ холоду.

Іеромонахъ Теофилактъ былъ совершенная противоположность—Игнатію. И по виду и по жизни—это истинный подвижникъ, высокаго характера; но болѣзненный, и отъ того часто раздражительный. Съ дѣтьми онъ обращался большею частью ласково, по отечески, преподавалъ греческій языкъ превосходно, какъ рѣдкій знатокъ его. Будучи и бібліотекаремъ, онъ почти жилъ въ бібліотечной комнатѣ холодной, въ училищномъ корридорѣ. Съ благоговѣніемъ смотрѣли мы на о. Теофилакта, благочестиваго, безкорыстнаго, умнаго и всегда почти задумчиваго. Послѣ онъ опредѣленъ смотрителемъ Задонскаго училища, и въ За-

донскѣ скончался. Вѣчная тебѣ память труженикъ благочестивый!

Въ новооткрытое уѣздное училище въ г. Павловскѣ должны были изъ Воронежскаго перейти ученики Павловскаго, Острогояскаго, Бобровскаго и Богучарскаго уѣздовъ, конечно, не принудительно. И я могъ бы остаться въ Воронежѣ, имѣя брата въ семинаріи. Но по удобству содержанія въ Павловскѣ, и по близости къ родному селу (около 40 верстъ отъ Павловска), я предпочелъ переселиться въ Павловскъ вмѣстѣ со многими другими товарищами. Это было въ началѣ 1836 года.—Главнымъ виновникомъ открытія уѣзднаго училища Павловскаго былъ соборный о. протоіерей М. Донецкій. Онъ пожертвовалъ свой домъ для 3 и 4 классовъ, хотя и самъ въ немъ помѣщался, такъ какъ онъ опредѣленъ и смотрителемъ училища. Открытіе классовъ, помнится, послѣдовало въ февралѣ 1836 г. торжественно и въ присутствіи мѣстной публики и новоназначенныхъ учителей. Мнѣ, 14-лѣтнему мальчику, пришлось говорить рѣчь при открытіи, редактированную класснымъ учителемъ Прозоровымъ. Началась новая жизнь. Въ 4-мъ классѣ насъ набралось не менѣе 40 ч. Были и очень взрослые, 17, 18 л., если не болѣе, такихъ было человѣкъ пять. Учились они плоховато, а по шалости были мастера. Въ пѣвческомъ хорѣ, который скоро образовался изъ учениковъ, они пѣли басами. Припоминаю Соломина, управлявшаго хоромъ, и Ключевскаго; эти басы годились бы для любого архіерейскаго хора. Первый потомъ не пошелъ далеко,—и былъ діакономъ въ Богучарѣ, кажется. Послѣдній гдѣ-то затерялся. За исключеніемъ привилегированныхъ большаковъ, всѣ прочіе занимались прилежно и вели себя благонравно. Общежитія у насъ не было. Всѣ жили на квартирахъ по нѣскольку человѣкъ. Квартирные старшіе наблюдали за порядкомъ въ квартирахъ. Не многіе квартиры отличались удобствомъ. Я, какъ primus, имѣлъ уже порядочный авторитетъ, имѣлъ ренетиціи, и содержалъ себя своими средствами, которыхъ немного и нужно было при дешевизнѣ и квартиры и припасовъ во время оно. На насъ четвероклассниковъ въ городѣ смотрѣли съ уваженіемъ; потому что кромѣ нашего было только одно свѣтское училище для малолѣтнихъ.

Преподаваніе предметовъ въ IV классѣ шло удовлетвори-

тельно; но не ровно. Смотритель училища протоіерей Донецкій былъ строгъ; но по временамъ подвергаемъ болѣзни запоя,— и въ это время сами учителя позволяли себѣ полѣзничать и даже не совсѣмъ прилично развлекаться. Бывали случаи, когда мы ученики просиживали въ классѣ одни безъ наставника, и сами занимались уроками. Впрочемъ учителя, по своимъ познаніямъ были у насъ дѣльные. Изъ нихъ особенной даровитостію отличался нѣкто А. Н. Прозоровъ, довольно долго исправлявшій должность инспектора. Онъ увлекалъ насъ своимъ преподаваніемъ библейской исторіи и хорошо училъ латинскому языку; въ обращеніи съ воспитанниками былъ благороденъ. Впослѣдствіи онъ былъ священникомъ въ с. Красномъ Землянскаго уѣзда и, кажется, благочиннымъ. Учитель греческаго языка—Е. П. Владиміровъ (впослѣдствіи протоіерей въ Нижнедѣвицкѣ). Этотъ, выглядывавшій уже пожилымъ, наставникъ отличался и усердіемъ и гуманностію въ отношеніи къ намъ; мы любили его за прекрасный тактъ. Помнится, онъ составилъ для публичнаго испытанія разговоръ о пользѣ знанія греческаго и латинскаго языковъ. Разговоръ я съ однимъ изъ товарищей, котораго фамилію не припомню, произносилъ въ присутствіи публики. Онъ оставилъ во всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе. Кое-что изъ него припоминается мнѣ и теперь. Жалѣю, что не сохранился онъ у меня въ рукописи. Инспекторомъ спустя довольно долгое время послѣ открытія училища поступилъ къ намъ кандидатъ Кіевской Д. Академіи М. Б. Кутейкинъ, человекъ умный, добрый, но болѣзненный; не любилъ онъ мелочей, а оттого ускользало отъ его взора многое, на что нужно было обращать вниманія. Вскорѣ онъ перешелъ смотрителемъ Задонскаго училища. Обычный ходъ нашихъ училищныхъ дѣлъ нарушенъ былъ внезапнымъ извѣстіемъ, что ѣдетъ ревизоръ, да еще какой? Самъ ректоръ академіи, знаменитый Иннокентій. Переполохъ сдѣлался общій; но оказался страхъ напраснымъ. Архимандритъ Иннокентій, послѣ ревизіи Воронежской Семинаріи направлявшійся въ Тифлисъ, по пути заѣхалъ и въ наше Павловское училище, былъ въ высшей степени ласковъ, деликатенъ, спросилъ по классамъ нѣсколькихъ учениковъ по разнымъ предметамъ, и скоро уѣхалъ. Лучшимъ ученикамъ (немногимъ) онъ оставилъ по 5 р. асигнаціями, и я получилъ ихъ. Это было

1836 г. Какъ теперь вижу небольшого роста архимандрита съ изящными манерами, пріятнымъ голосомъ и умнымъ лицомъ. Мнѣ онъ задалъ вопросъ по географіи: какія важнѣйшія рѣки въ Россіи. Могъ ли я тогда думать, что мнѣ придется быть преемникомъ его по Херсонской кафедрѣ? Дивны судьбы Божіи! Въ 1854 г. когда я былъ инспекторомъ Кіевской Академіи, послѣ ревизіи Воронежской Семинаріи, я посѣтилъ и Павловское училище,—какъ пріятно мнѣ было вспомнить прошедшее! Не безъ внутренняго волненія осмотрѣлъ я все, что такъ давно знакомо. Въ недавнее время многое измѣнилось къ лучшему съ внѣшней, и вѣроятно, съ внутренней стороны. И классы уже не тамъ, гдѣ были у насъ. Въ память своего воспитанія въ училищѣ, я при помощи Божіей, устроилъ тамъ домовую церковь (1882 г.) во имя трехъ святителей. Храню о немъ доселѣ лучшія воспоминанія.

Жизнь въ семинаріи.

— Въ 1837 г. перешелъ я въ Воронежскую Духовную Семинарію. Перевода училищнымъ начальствомъ удостоены для продолженія ученія въ Семинаріи, многіе. Но пришлось нѣкоторымъ послѣ повѣрочнаго испытанія въ Семинаріи, возвратиться назадъ въ училище на повторительный курсъ. Экзаменовали насъ строго, привязывались къ мелочамъ съ цѣлю сконфузить. Болѣе другихъ училищъ потерпѣло Павловское, сколько и тогда мнѣ было извѣстно за несомнѣнное, по личнымъ отношеніямъ ректора Семинаріи архимандритъ Елцидифора къ протоіерею Донецкому. Вражда между ними была открытая; но оправдываетъ ли она мечь на неповинныхъ дѣтяхъ? Въ послѣднее время (до 1885 г.) продолжалась переэкзаменовка учениковъ, поступающихъ въ Семинарію. Она имѣла, правда, смыслъ, когда училищное начальство (по уставу, предшествовавшему послѣднему преобразованію) обозначало въ свидѣльствахъ только успѣхи и поведеніе, не выставляя выраженія: удостоивается перевода въ I-й классъ Семинаріи. Но по старому уставу начальство училищное переводило, по ея мнѣнію, достойныхъ. Зачѣмъ же выражать недовѣріе его рекомендаціи? Зачѣмъ ослаблять авторитетъ училищнаго начальства? А бѣдные ученики вмѣсто отдыха

въ вакаціонное время должны были работать и зубрить разные вокабулы. Не говоря уже объ отцахъ дѣтей, и тѣмъ болѣе о сиротахъ, которые несправедливо страдали, когда возвращали назадъ забракованныхъ. Вѣдь—если какіе ученики переведенные въ Семинарію не годятся тамъ, они сами собою выйдутъ. Недавно возвратились къ старому уставу въ отношеніи перевода,—и совершенно справедливо. Часто случается, что изъ слабыхъ повидимому, въ началѣ, учениковъ выходили послѣ въ успѣхахъ и дарованіи, далеко оставлявшія за собою лучшихъ считавшихся.

Я поступилъ въ 1-е низшее отдѣленіе Семинаріи или классъ Словесности (по нынѣшнему названію 1-ый классъ) первымъ ученикомъ. У насъ было три отдѣленія Словесности, по многочисленности учениковъ. Предметы еще раздѣлялись тогда, по крайней мѣрѣ, по обычаю, на главные и не главные. Главнымъ предметомъ въ низшемъ отдѣленіи, конечно, считалась риторика или Словесность. Преподавателемъ ея, профессоромъ попрежнему, былъ М. А. Снѣжинскій, вскорѣ постриженный въ монашество съ именемъ Митрофана. Онъ же скоро, затѣмъ, сдѣланъ былъ и инспекторомъ Семинаріи. М. А. Снѣжинскій при самомъ началѣ ученія далъ намъ предложеніе для сочиненія такое: „Мысли и чувствованія при вступленіи въ классъ Словесности“. Мое сочиненіе вышло лучшее, и прочитано было профессоромъ въ классѣ. Сразу этимъ завоевалъ я свою репутацію въ классѣ между товарищами.

Словесность мы изучали по Бургію на латинскомъ языкѣ съ объясненіями и дополненіями на русскомъ. Снѣжинскій преподавалъ ее намъ отлично, и съ высокимъ усердіемъ, приспособляясь къ понятіямъ учениковъ, и не скучая малопонятливостію слабыхъ. Примѣры на разные риторическія правила и на такъ называемые *loci topicі* паставникъ избиралъ изъ лучшихъ русскихъ авторовъ духовныхъ и свѣтскихъ въ большомъ количествѣ, и мы заучивали ихъ наизусть. Это приносило большую пользу, приучая учениковъ къ изящнымъ оборотамъ рѣчи, и свободѣ языка. Строгое разграниченіе періодовъ и хрій съ примѣрами приучало насъ къ логическому построенію рѣчи, а *loci topicі* и источники изобрѣтенія на вопросы: *сум, quomodo, quando, quibus auxiliis* и проч. обогащали мысли — сонныя головы. Это была хорошая

гимнастика для ума. Скажутъ: это схоластика? Пусть такъ; однакожь она для насъ вовсе не была скучна; всё зависитъ отъ метода преподаванія. Сочиненія на данныя темы мы писали еженедѣльно, а иногда экспромтомъ въ классѣ.

О. Митрофанъ (Снѣжинскій) былъ и человекъ (хоть строгій) съ нѣжною, прекрасною душою. Онъ принималъ живое участіе въ ученикахъ, слѣдилъ за ними съ отеческою заботливостью, и не опускалъ по инспекціи проступковъ безъ взысканія, — что не нравилось шалунамъ. Называли его мелочнымъ; но шалуны не понимали, что изъ мелочей составляется жизнь, и отъ нихъ зависитъ направленіе ея въ добрую или худую сторону. Лично я съ особенною любовію и глубокимъ уваженіемъ воспоминаю объ о. Митрофанѣ (скончался ректоромъ въ Полоцкѣ). Я обязанъ ему очень многимъ. На 2-й годъ въ Словесности я заболѣлъ тифозною горячкою въ сильнѣйшей степени, и всё уже, начиная съ доктора (Малышева), отчаялись въ моемъ выздоровленіи. Но о. Митрофанъ, какъ лучшая сестра милосердія, самъ ухаживалъ за мной съ самоотверженіемъ, и сверхъ чаянія, при помощи Божіей я выздоровѣлъ. Вѣчная тебѣ память сострадательный наставникъ!

Изъ другихъ наставниковъ въ I-мъ отдѣленіи съ любовію припоминается П. Ѳ. Эвманскій, преподававшій гражданскую исторію. Разсказъ его былъ простой, обстоятельный, и занимательный. Помню, что онъ никогда не сердился, когда кто отвѣчалъ ему плохо, и дѣлалъ замѣчанія спокойно. Особенно хорошо онъ описывалъ намъ бѣдствія разрушенія Иерусалима, и почти со слезами разсказывалъ подробности, которыя производили въ насъ потрясающее впечатлѣніе. Въ послѣдствіи Эвманскій былъ каѳедральнымъ протоіереемъ въ Воронежѣ, и тамъ скончался.

Въ философскомъ классѣ (переименованному потомъ въ среднее отдѣленіе, а нынѣ равняющійся 4-му классу) въ Семинаріи нашей было два отдѣленія. Я поступилъ 1-мъ ученикомъ въ первое отдѣленіе. Профессоромъ философіи у насъ былъ И. П. Некрасовъ. Философія читалась въ полномъ объемѣ. Учебною книгою было руководство Баумейстера; но его мало держались; выдавались записки, частію на латинскомъ, частію на русскомъ языкѣ. Записки эти ком-

пилировались изъ академическихъ лекцій. Преподаваніе шло на русскомъ языкѣ, рѣдко на латинскомъ, такъ какъ не всѣ ученики могли понимать сознательно латинскую рѣчь. Сочиненія писали по очереди то на русскомъ, то на латинскомъ. И. П. Некрасовъ преподавалъ съ увлеченіемъ, съ академическими замашками, обладалъ искусствомъ излагать предметъ ясно и обстоятельно, хотя не глубоко. Любилъ онъ распространяться иногда попусту, потому что не всегда готовился къ урокамъ; но мы любили его за живость и пріятное обращеніе: на повтореніи, на репетиціяхъ, чтобы отдѣлаться отъ спрашиванія, мы, бывало, заведемъ споръ, дѣлаемъ возраженія,—и время уходитъ, а Некрасовъ разгорячится и оставляетъ репетицію на слѣдующій урокъ. Некрасовъ особенно хорошо говорилъ нѣсколько лекцій о безсмертіи души. Лучшіе ученики читали много для уясненія философскихъ вопросовъ. Я не поверхностно въ подлинникѣ ознакомился съ Лессингомъ, Кантомъ, Карце, не говоря уже о Баумейстерѣ, который намъ надоѣлъ своею схоластичностью. На экзаменахъ приходилось съ нимъ возиться. Я имѣлъ случай прочесть лекціи знаменитаго Э. А. Голубинскаго (бралъ записки у о. Инспектора Митрофана, который училъ въ Московской Академіи) по онтологіи и метафизикѣ,—онѣ много мнѣ дали разъясненій философскихъ вопросовъ. Читалъ въ послѣдствіи книгу „О конечныхъ причинахъ“, — я многое припомнилъ изъ читаннаго въ рукописи. Преподаваніе философіи въ христіанскомъ духѣ, какъ то велось въ Семинаріяхъ, было весьма полезно не только для развитія умственнаго, но и для твердости религіозныхъ убѣжденій. Въ наше время немислимо было вольнодумство антирелигіозное, которымъ заражались въ повѣйшее время, къ крайнему сожалѣнію, и духовноучебныя заведенія. Слава Богу, что оно проходитъ. Естественно вспомнить здѣсь изреченіе Бэкона: „*leves gustus in philosophia ad atheismum ducere fortasse, haustus ad religionem si pleniore vero ducunt*“.

Математику и библейскую исторію читалъ для обонхъ отдѣленій философскихъ И. А. Мишинъ. Математику онъ самъ зналъ очень плохо; читалъ по Сержинскому, а когда не приготовился, просто списывалъ изъ него на доску. Какое же онъ могъ сообщить намъ знаніе? Сами доискивались — х. Однакожъ Мишинъ былъ умный человекъ, только не по математикѣ. Съ здравымъ умомъ онъ соединялъ и глубоко-

мысліе; прекрасно писалъ и говорилъ проповѣди, былъ богословъ; а ему дали математику и греческій языкъ, а въ придачу еще—библейскую исторію. Послѣднюю онъ анализировалъ съ охотою и углубленіемъ; но по своей мѣшковатости и неповоротливости часто съ трудомъ устно изъяснялся. Его не жаловалъ почему-то о. ректоръ Семинаріи архимандритъ Елпидифоръ, можетъ быть по секретарству въ Правленіи, ибо Мишинъ былъ и секретаремъ. Смѣшная исторія мнѣ припоминается, которую расскажу не въ осужденіе покойнаго Ивана Александровича. Какъ-то разъ приходитъ въ нашъ классъ о. ректоръ на урокъ Мишина по библейской исторіи. Рѣчь шла о новомъ ковчегѣ. Ректоръ сѣлъ за парту, и сказалъ: „Продолжайте Ив. Александровичъ“. Смѣшался наставникъ, сробѣлъ и началъ повторять: „Ковчегъ, ковчегъ, ковчегъ былъ четверугольный, ну какъ нашъ корпусъ“, и далѣе не могъ продолжать. Ректоръ и ученики конечно разсмѣялись,—и концертъ вышелъ и забавный и жалкій. Ректоръ всталъ, обращаясь къ намъ, и сказалъ полусмѣясь: „Ну занимайтесь: руководство у васъ по библейской исторіи (Филарета) хорошее“. По уходѣ ректора, Мишинъ оправился, и съ гнѣвомъ началъ рѣзко о немъ говорить: „Вишь пришелъ экзаменовать меня; что тутъ смѣшного“? Обращаясь къ мнѣ въ волненіи спрашивалъ: „Ну, г. Лебединскій скажите: что тутъ смѣшного? Велика фря—ректоръ, вѣдь и я учился въ Академіи“. Не могло это конечно скрыться отъ Елпидифора, и онъ, какъ говорили, далъ ему порядочную нагонку. Преподавай Мишинъ напимѣръ Гомилетику,—иное дѣло; онъ былъ бы прекраснымъ учителемъ. Да проститъ мнѣ покойный за рассказанный фактъ, который, конечно, помнятъ мои сотоварищи.

Во второмъ отдѣленіи философію преподавалъ профессоръ В. П. Остроумовъ. Онъ не походилъ ни по характеру, ни по методу преподаванія на Некрасова. Умный и логичный, онъ читалъ сухо, но основательно; его уважали, но не любили за схоластическую сухость. Всегда онъ былъ суровъ и немногорѣчивъ. Любилъ, чтобы писали кратко сочиненія. Въ критикѣ онъ былъ безпощаденъ; это имѣло хорошую сторону, но у многихъ отбивало охоту къ занятіямъ. Во всякомъ случаѣ это достойный преподаватель, который имѣлъ больше, чѣмъ Некрасовъ (по душѣ поэтъ) философскаго духа.

Самъ я слушалъ его только разъ или два. Говорю больше по отзыву его слушателей, и частію по личному знакомству. Въ обоихъ философскихъ отдѣленіяхъ учениковъ было много, болѣе 100 ч. Но пожалуй цѣлая половина училась кой-какъ, лишь бы списать лекцію, вы зубрить и отвѣтить хоть порядочно. Было довольно и записныхъ лѣвтяевъ, которые и покончили науку, не перешедши за предѣлъ философскаго класса въ обѣтованную землю богословія.—

Въ Богословскомъ классѣ въ Семинаріи было два отдѣленія. Главнымъ профессоромъ въ 1-мъ отдѣленіи былъ ректоръ, читавшій основное богословіе и догматику; во 2-омъ инспекторъ (о. Митрофанъ), преподававшій тѣ же предметы. Ректоръ—архим. Елпидифоръ излагалъ свои уроки превосходно, ясно, отчетливо, логично. Но онъ былъ ректоромъ только до конца 1841 г. Назначенный викаріемъ Воронежскимъ, онъ отбылъ въ С.-Петербургъ для хиротоніи, и возвратившись епископомъ поселился въ Алексѣевскомъ Акатовомъ монастырѣ. При прощаніи съ нимъ въ Семинарской залѣ учениковъ,—я говорилъ рѣчь; а потомъ, при поздравленіи съ саномъ Епископа въ Акатовомъ монастырѣ, я также говорилъ рѣчь въ присутствіи массы публики. Елпидифоръ оставилъ по себѣ отличную память, какъ ректоръ и профессоръ. При немъ въ Семинаріи былъ строгій порядокъ, и она находилась, можно сказать, въ цвѣтущемъ состояніи. Пришло мнѣ ему отдать и послѣдній долгъ въ С.-Петербургѣ, когда я уже былъ викаріемъ Петербургскимъ, Епископомъ Ревельскимъ. Онъ участвовалъ и въ моей хиротоніи 13-го марта 1860 г. Вызванный изъ Вятки, гдѣ былъ Епископомъ, на чреду для засѣданія въ Св. Синодѣ, онъ, вообще слабый здоровьемъ, заболѣлъ сильно, и скончался въ санѣ архіепископа Таврическаго, хотя въ Епархію уже не могъ ѣхать. Перевезенный въ Лавру изъ подворья синодальнаго, что въ Кабинетской улицѣ, уже сильно больной, онъ прожилъ только не болѣе мѣсяца. Я напутствовалъ его таинствомъ Елеосвященія и Причащенія, подписалъ его завѣщаніе, и распорядился похоронами; погребенъ онъ въ Феодоровской Лаврской церкви, рядомъ съ архіепископомъ Воронежскимъ Игнатіемъ, скончавшимся тоже на чредѣ въ Петербургѣ, въ 1851 г. Вѣчная имъ память! вмѣстѣ они служили (Елпидифоръ былъ викаріемъ сначала при Антоніи.

а потомъ при Игнатіи), вмѣстѣ—рядомъ покоятся и тѣлеса ихъ.

Послѣ Елпидифора назначенъ былъ ректоромъ архимандритъ Стефанъ Зелятровъ; но ректорствовалъ недолго; мы мало его и видѣли; по болѣзни онъ уволился въ какой-то монастырь, уже въ параличномъ состояніи. И весь почти 1843-ій учебный годъ исправлялъ должность ректора инспекторъ о. Митрофанъ. На уроки догматическаго и нравственнаго богословія оба отдѣленія собирались вмѣстѣ до самаго окончанія курса. О. Митрофанъ, отличный наставникъ по Словесности, какъ профессоръ Богословія оказался не вполне удовлетворительнымъ, можетъ быть, по новости для него предмета. Первый годъ въ богословскомъ классѣ мы изучали догматику на латинскомъ языкѣ по руководству Теофилакта, а на второй годъ, по преобразованіи, онъ былъ оставленъ для изученія, и лекціи читались и изучались по-русски, къ общей радости учениковъ.

Св. Писаніе преподавалъ намъ въ богословскомъ классѣ о. Михаилъ Ивановичъ Скрябинъ очень удовлетворительно, и съ глубокимъ вниманіемъ въ дѣло; особенно хороши были его лекціи о Евангеліи отъ Іоанна. О. Скрябинъ (еще и нынѣ (1887 г.) здравствующій о. протоіерей кафедральный, уже глубокой старецъ) имѣлъ умъ философскій, да онъ и читалъ философію довольно долго прежде въ Подольской Семинаріи. Сосредоточенность его иногда доходила до смѣшного: углубившись въ предметъ, онъ забывалъ о всемъ окружающемъ его. Припоминаю забавный фактъ. Разъ какъ-то приходитъ онъ въ классъ въ бѣломъ колпакѣ. Сѣвши послѣ молитвы, ученики размѣялись довольно громко. „Что вы, что вы, господа? Чему вы смѣетесь?“ Я сидѣлъ какъ разъ подлѣ кафедры, на которой усѣлся уже о. Михаилъ. Привстаю и говорю ему: „Михаилъ Ивановичъ! Да вѣдь вы въ колпакѣ.“—„Экая глупость,—буркнулъ онъ.—Возьми вотъ ключъ отъ кабинета, поди къ женѣ, пусть дастъ скуфью.“ Принесъ я ему скуфью, и колпакъ пошелъ въ карманъ подрясника. Квартира о. Скрябина была недалеко отъ Семинаріи,—но и не очень близко,—и нужно было пройти по такъ называемой Дворянской улицѣ—людной. И вотъ онъ въ своемъ кабинетѣ, занимаясь приготовленіемъ урока, сосредоточенно, забывъ перемѣнить колпакъ, и промаршировалъ порядочное пространство въ немъ на удивленіе смотрѣвшимъ.

Изъ другихъ наставниковъ въ богословскомъ классѣ достойны добраго воспоминанія И. Т. Дагаевъ, еще тогда молодой (нынѣ на пенсіи послѣ законоучительства въ Кадетскомъ корпусѣ — протоіерей) преподававшій каноническое право очень дѣльно, и Теофанъ Абрамовичъ Праведниковъ (въ послѣдствіи Теофилактъ Еп. Новгородскій, скончавшійся въ Черниговѣ). Онъ обладалъ громадною памятію; исторію фифы (которую читалъ въ подлинникѣ, владѣя хорошо французскимъ языкомъ) онъ зналъ до мельчайшихъ подробностей: онъ имѣлъ нѣкоторыя странности въ приемахъ, которыя, говорятъ, потомъ сгладились, когда одѣлъ рясу. Для меня лично это былъ дорогой человекъ; будучи ученикомъ, я посѣщалъ его запросто, бралъ у него книги для чтенія, и велъ часто бесѣды научныя. Мы долго состояли съ нимъ въ перепискѣ, какъ и доселѣ я переписываюсь съ достоуважаемымъ о. протоіереемъ Скрыбнымъ.

Упомяну здѣсь еще о наставникѣ Еврейскаго языка и сравнительнаго Богословія П. В. Рудневѣ. Онъ былъ умный преподаватель, зналъ свое дѣло прекрасно; но какой-то меланхоликъ и какъ-бы разбитый; онъ уединился отъ общенія съ другими, и нерѣдко опускалъ классы по болѣзни. Фигура его отличалась особенностію; громаднаго роста, тощій, длинноногіій, онъ ходилъ какъ-то своеобразно; но никто изъ насъ никогда надъ нимъ не смѣялся. Обращеніе его было кроткое. Не перечисляю другихъ преподавателей, ибо пишу не біографію ихъ; говорю о тѣхъ, кои оставили по себѣ впечатлѣніе на меня, и которыхъ ближе я зналъ.

Въ Семинаріи я жилъ на казенномъ содержаніи, какъ сирота, и пользовался удобствомъ для занятій болѣе другихъ. имѣя особую комнату, какъ старшій надъ пѣвчими. Хоръ былъ у насъ замѣчательный подѣ управленіемъ регента Федотова, артиста и поэта по душѣ. Мальчики жили отдѣльно отъ большихъ; они ходили въ училище; я репетировалъ ихъ и смотрѣлъ за поведеніемъ. Должность эту занялъ я неохотно по настоянію ректора Елпидифора. Содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ, а ихъ было мало, было посредственное; частенько бурсаки жаловались на пищу, — но вѣдь тогда очень мало отпускалось на содержаніе. Съ чего же было роскошествовать? Конечно экономъ (тогда былъ нѣкій

Донскій, вмѣстѣ преподаватель Семинаріи) не забывалъ себя. Можно было жаловаться на неаккуратное приготовленіе пищи. Разъ, помню, на ужинѣ въ гречневой кашѣ мнѣ попало стекло верхка въ два, и Богъ меня спасъ, что не проглотилъ его съ кашею, хотя обрѣзалъ языкъ и губы. Наши жалобы тогда на столовую оставались безъ вниманія экономомъ, развѣ когда ректоръ замѣтитъ ему. Кстати сказать, что не слѣдуетъ никогда должности эконома возлагать на наставниковъ, какъ въ послѣдствіи и введено.

На каникулы я ѣздилъ домой не всегда. Но одни каникулы лѣтніе, когда я былъ на 2-омъ уже годѣ въ философскомъ классѣ (1841 г.) мнѣ очень памяты. По своей неосторожности отъ купанья въ селѣ на р. Донѣ, я простудился, и получилъ сильнѣйшую горячку (это другая послѣ бывшей со мною еще въ классѣ Словесности). Недѣли двѣ я страдалъ безъ доктора, котораго въ нашей слободѣ и не было, и совсѣмъ уже отчаялся въ жизни; плакать я и молился, — и тутъ-то я далъ обѣтъ принять монашество, въ послѣдствіи, если выздоровѣю. И чтожь, я тутъ же почувствовалъ облегченіе, и на третій день отправился въ Семинарію, запоздавъ явкою въ срокъ, кажется въ Сентябрѣ уже. Признаю это событіе въ своей жизни важнымъ, чудеснымъ, роковымъ. Различными путями Господь ведетъ чловѣка къ предначертаннымъ цѣлямъ!

Окончилъ я курсъ Семинаріи въ 1843 г. и назначенъ былъ для поступленія въ С.-Петербургскую Духовную Академію, одинъ. Воронежская Семинарія издавна принадлежала къ Кіевскому округу, и въ Кіевскую Академію поступило въ мое время 3 или 4 студента. Послали меня въ Петербургъ по требованію (конечно безъ имени) на казенный счетъ. Предъ отправленіемъ въ академію и. д. ректора, соборный іером. Митрофанъ повезъ меня на благословеніе въ Троицкій—загородный архіерейскій домъ. Блаженной памяти Архіепископъ Антоній обласкалъ меня и благословилъ съ отеческою любовію. Не могу не сказать нѣсколько словъ здѣсь объ этомъ замѣчательномъ Архіепископѣ, вспоминая о немъ съ благоговѣйнымъ уваженіемъ. Это былъ мужъ святой жизни, сановитый, представительный, хотя и не высокаго роста; фізіономія его была серьезная, но пріятная, борода длинная, глаза прони-

цательные, голосъ ясный съ малороссійскимъ акцентомъ; служилъ онъ очень торжественно и внушительно, доброта его выражалась любовію къ сиротамъ и милосердіемъ вообще къ бѣднымъ. Промыслъ Божій его, а не кого другого, избралъ орудіемъ прославленія мощей Св. Митрофана (1832 г.) и подготовителемъ къ открытію мощей Св. Тихона Задонскаго. Мощи послѣдняго открыто прославлены, какъ извѣстно, 1861 г. Августа 13. Но еще въ 1846 г. Архіепископъ Антоній доложилъ Св. Синоду о нетлѣннѣ ихъ, оказавшемся по случаю исправленія Задонскаго Собора. Къ Семинаріи въ научномъ отношеніи онъ не проявлялъ особенной дѣятельности кромѣ бумажной; но всегда являлся на публичныя испытанія, и даже прѣѣхалъ на такъ называемыя рекреціи майскія, которыя устроились для учениковъ въ Троицкой роцѣ архіерейской. Старецъ Архипастырь самъ разбрасывалъ, бывало, ученикамъ пряники, орѣхи и проч.

Неоднократно приходилось мнѣ, по назначенію, говорить поздравительныя и привѣтственныя рѣчи блаженной памяти Архіепископу Антонію. На послѣднемъ публичномъ экзаменѣ 1843 г. я читалъ съ кафедръ свое сочиненіе о важности изученія Св. Отцовъ Церкви для богослова,—и потомъ въ заключеніе акта произносилъ рѣчь изустную. Сочиненіе мое архіепископъ потребовалъ къ себѣ, и очень доволенъ остался его содержаніемъ. Рѣчь мнѣ удалось сказать съ чувствомъ. и она, какъ видно было, и на Архипастыря произвела впечатлѣніе, выразившееся въ лицѣ и глазахъ его. Онъ благодарилъ меня, благословилъ и положилъ руки на мою голову. Это была минута трогательная и для меня незабвенная. При послѣднемъ прощаніи онъ сказалъ мнѣ: „Не ищи славы, слава сама насъ сыщеть“.—Этимъ и окончился послѣдній актъ моего образованія въ Семинаріи.

Жизнь въ Академіи.

Въ С.-Петербургскую Духовную Академію поступилъ я въ 1843 г. на казенный счетъ изъ Воронежской Семинаріи только одинъ. Экзамены пріемные начались въ Академіи съ 17-го Августа, и продолжались до конца его. Экзамены производились по всѣмъ предметамъ, въ Семинарскомъ аттестатѣ означеннымъ, а не повѣрочные только, какъ нынѣ, и, правду

сказать, были строги и обременительны. Кромѣ устныхъ отвѣтовъ писали мы два сочиненія на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Для чего бы, кажется, дѣлать подробныя по всеѣмъ предметамъ экзамены для присланныхъ на казенный счетъ студентовъ, какъ самыхъ лучшихъ по мнѣнію Семинарскихъ начальствъ? Тутъ очевидно выражается обидное подозрѣніе къ правильности аттестаціи Семинарской. Притомъ же нерѣдко въ отвѣтахъ играетъ роль случайность, смотря по тому, какой дается вопросъ, или попадется № билета. Такъ напри- мѣръ, по гражданской исторіи, помню, насъ вызвали двухъ— меня и В. Наумова (впослѣдствіи епископа Кирилла). Ему данъ былъ бакалавромъ исторіи священникомъ Орловымъ вопросъ о Сицилійскихъ вечерахъ, и онъ отвѣтилъ удовле- творительно. Мнѣ предложили отвѣтить о Вавилонскомъ царствѣ,—и я отвѣтилъ на лучшей баллъ. Но спроси меня о Сицилійскихъ вечерахъ, я положительно худо отвѣтилъ бы. Иное дѣло—сужденіе объ умѣ и развитіи студентовъ по сочиненіямъ, тутъ виденъ весь человѣкъ. Мнѣ удалось вы- держать пріемный экзамень по всеѣмъ предметамъ вполне удовлетворительно какъ не многимъ. Правленію Воронежской Семинаріи отъ Академіи послана была благодарность за вполне удовлетворительное приготовленіе студента Лебедин- скаго къ Академіи. Документъ, безъ сомнѣнія, хранится въ архивѣ Семинарскомъ.

Полученная въ Семинаріи благодарность произвела, какъ и естественно, восторгъ въ начальствѣ и наставникахъ. Какъ мнѣ писалъ о. Митрофанъ, и Владыка Антоній очень радъ былъ тому, и распространился въ похвалахъ мнѣ. Занову этотъ фактъ въ свои записки, потому что онъ былъ един- ственнымъ въ своемъ родѣ. Экзамены пріемные въ наше время были довольно торжественны, почти при полномъ собраніи наставниковъ, и почти на всѣхъ ихъ присутствовали самъ ректоръ Академіи. Въ младшемъ и старшемъ курсѣ Акаде- міи по штату полагалось по 30-ти студентовъ и всѣхъ въ началѣ обыкновенно состояло 60 ч. Далекое послѣ какъ раз- рослось число студентовъ во всѣхъ академіяхъ духовныхъ.

Ректоромъ въ наше время (до марта 1847 г.) былъ Аѳанасій, епископъ Винницкій, инспекторомъ около года архимандритъ Іоасафъ (назначенный за тѣмъ ректоромъ Подольской Се- минаріи), а вслѣдъ за нимъ—архимандритъ Макарій (извѣ-

стный послѣ Митрополитъ Московскій). Преосвященный Аѳанасій очень усердно заботился объ улучшеніи внѣшняго быта Академіи и студентовъ. При немъ отдѣлены студенческія спальни отъ занятныхъ комнатъ; введена вездѣ безукоризненная чистота, улучшена пища и одежда студентовъ; введенъ во всемъ самый строгій внѣшній порядокъ, во всемъ—до мелочности, начиная съ урочной стрижки волосъ и бритья усомъ и бородъ. Мы, пріѣзжіе новички, очень тяготились по началу такими порядками, черезъ чуръ уже похожими на солдатскіе. Послѣ свыклись, и они принесли намъ пользу, пріучивъ насъ къ аккуратности и въ дальнѣйшей, послѣ-академической, жизни. Преосвященный Аѳанасій дѣйствовалъ по плану графа Протасова и былъ ревностнымъ исполнителемъ затѣи его при содѣйствіи Карасевскаго, бывшаго директоромъ Д.-Учебнаго Управленія. Самъ ректоръ очень часто посѣщаль классы, столовую, спальни и нерѣдко—занятные номера. Карасевскій тоже нерѣдко навѣщаль Академію. Любилъ Аѳанасій все дѣлать съ шикомъ, напоказъ. Когда, бывало, идетъ онъ по номерамъ, впереди его бѣжитъ экономъ (Ростиславовъ профессоръ), сзади—инспекторъ, помощники—цѣлая свита. Такое церемоніальное шествіе производило эффектъ, вовсе непріятный для студентовъ, которые любили заниматься дѣломъ—не на показъ. Ректора всѣ боялись (особенно наставники); его едва ли кто любилъ, за исключеніемъ развѣ его любимцевъ. Пристрастіе къ извѣстнымъ лицамъ—много роняло его въ глазахъ серьезныхъ людей. Нельзя не отдать честь познаніямъ преосвященнаго Аѳанасія; это была—живая энциклопедія; онъ превосходно зналъ и древніе и новѣйшіе языки, исторію, Св. Писаніе, философію, физику и проч. Читалъ много и умѣлъ похвастаться своими познаніями, которыя удивляли слушавшихъ его. Но, при громадныхъ своихъ познаніяхъ, онъ не сосредоточивался ни на чемъ и не создалъ ровно ничего ни по одной наукѣ. Къ изумленію, онъ, считавшійся знатокомъ всего, не могъ самъ быть основательнымъ профессоромъ и написать дѣльной проповѣди. Въ нашъ курсъ онъ ничего уже не преподавалъ, а въ предыдущій взялся было преподавать Св. Писаніе; но послѣ нѣсколькихъ лекцій о посланіяхъ ап. Павла къ Римлянамъ и Коринѳянамъ, бросилъ преподаваніе. Когда скончался митрополитъ Тимоѳей Петербургскій, ему поручено было напи-

сать проповѣдь, и онъ суетился много, и заболѣлъ, не былъ даже на погребеніи. Говорилъ наканунѣ погребенія вискарный Епископъ Наананъ. Въ самый день погребенія—извѣстный всѣмъ Иннокентій Архіепископъ Херсонскій. Страннымъ показалось это многимъ,—но фактъ вѣренъ.—Если бы преосвященный Аѳанасій сумѣлъ воспользоваться своими познаніями какъ должно, великую бы принесъ пользу наукѣ. Но энциклопедизмъ, казенность и приспособленность къ свѣтскимъ властямъ излишняя не дали результатовъ его дѣятельности. какихъ можно было ожидать. Къ чести ректора преосвященный Аѳанасія надобно отнести направленіе богословію, имъ данное. При немъ отведено было надлежащее мѣсто Св. Преданію въ богословіи; но мысль о значеніи преданія внушена ему отъ инуду, и разработанная чужою головою—именно архимандритомъ инспекторомъ Макаріемъ, профессоромъ богословія. Самъ по себѣ преосвященный Аѳанасій вдавался было въ другую крайность, граничившую съ католицизмомъ. Макарій сумѣлъ дѣло поставить какъ слѣдуетъ. Но все же таки ректоръ и словами и дѣйствіями импонировалъ направленію противу лютеранскому, по которому и въ Семинаріяхъ говорилось: „источники богословія Св. Писаніе и разумъ(?)“. Жаль, очень жаль, что магазинъ познаній, которымъ владѣлъ преосвященный Аѳанасій, остался безъ приложенія къ письменнымъ его трудамъ, и послѣ этотъ блестящій фейерверкъ потухъ незамѣтно въ Астрахани. Библіотека его замѣчательная досталась, кажется, Астраханской Семинаріи, по завѣщанію. О нравственномъ характерѣ преосвященнаго Аѳанасія въ частности говорить не считаю здѣсь нужнымъ.

Преемникомъ Аѳанасія, назначеннаго Епископомъ въ Саратовъ, поступилъ въ нашу Академію изъ Московской архимандритъ, а вскорѣ Епископъ, тоже Винницкій, Евсевій. При немъ мы и окончили курсъ академическій. Евсевій былъ человекъ скромный, тихій, добросердечный, хотя по характеру не твердый. Свою ученость онъ показалъ во многихъ своихъ трудахъ, напечатанныхъ и отдѣльными книжками, и статьями въ журналъ „Творенія Св. Отцовъ“, издаваемомъ доселѣ при Московской Духовной Академіи. Его всѣ любили, и студенты и профессора за благожелательность и общительность. Предмета никакого, уже по заведенному обычаю, онъ не читалъ; но для обоихъ отдѣленій Академіи взялъ одинъ классъ

въ недѣлю, который мы и прозвали классомъ духовнаго общенія. Собирались мы всѣ въ актовую залу и слушали его чтеніе съ умными объясненіями книги его же о христіанскомъ воспитаніи дѣтей. Любилъ онъ при посѣщеніи студентовъ во время вечернихъ занятій въ номерахъ бесѣдовать съ ними, особенно по философіи, которую онъ самъ когда-то читалъ въ Московской Семинаріи. Иногда, признаться, и надѣдалъ своею словоохотливостію, отнимая нужное время. Лично для меня преосвященный Евсевій незабвененъ, какъ постригавшій меня въ монашество и рукополагавшій въ санъ іеродіакона и іеромонаха. До самой смерти его я переписывался съ нимъ. Какъ Епископъ Самарскій, затѣмъ Архіепископъ Иркутскій и Могилевскій, — онъ ждетъ своего историка. Много онъ выносилъ непріятностей въ Академіи по разнымъ интригамъ; но самъ былъ чистая, прекрасная душа.

Инспекторомъ у насъ былъ вначалѣ архимандритъ Іоасафъ, переведенный изъ ректоровъ Тамбовской Семинаріи въ видахъ по времени занять ректуру. Прекрасный человекъ по характеру, онъ оказался малоспособнымъ къ инспекторству; онъ отличался странною по временамъ разсѣянностію; пробѣжить, бывало, по нашимъ номерамъ быстро, и, ни слова не сказавши никому (только что-то шепчетъ про себя), убѣжить домой. Іоасафъ былъ много начитанъ, но читалъ намъ Св. Писаніе не занимательно, отрывисто, къ тому же былъ робокъ, какъ-то застѣнчивъ. Ходилъ въ классъ всегда съ ворохомъ книгъ, которыя иногда за множествомъ носилъ за нимъ служитель. Этими источниками однакожь онъ угощалъ насъ странно. Доказывая ту или другую мысль, онъ ссылаясь на извѣстнаго автора, а не прочитаетъ цитаты: „вотъ тутъ, господа“, и закроетъ книгу; такъ и съ другой и съ третьей обойдется. Въ доказательство его робости, или лучше конфузливости, расскажу фактъ. Какъ-то разъ уже окончившій курсъ студентъ Петръ Горизонтовъ вздумалъ пошутить; взявъ палку и сталъ ходить по корридору предъ залою, стуча палкою по подражанію преосвященному Аванасію. О. Іоасафъ про себя, но довольно слышно бурчитъ: „Идетъ, чортъ его несетъ“, потомъ привставши почти крикнулъ: „Господа, о. ректоръ идетъ“, а его и дома, кажется, не было. Мы уже послѣ класса узнали такую продѣлку Горизонтова, бывшаго потомъ протоіереемъ и членомъ С.-Петербургской Кон-

систоріи; теперь уже покойнаго. Аѳанасій не любилъ Іоасафа и постарался скоро сбыть съ рукъ; его назначили ректоромъ Подольской Семинаріи, гдѣ онъ жилъ довольно долго. Въ Каменецъ-Подольскѣ много разсказывается о немъ анекдотовъ бывшими его учениками. Перемѣщенный въ Могилевскую Семинарію, онъ тамъ скончался, какъ говорили, совершеннымъ затворникомъ. Гдѣ его богатая бібліотека—неизвѣстно.

Мѣсто инспектора Академіи послѣ Іоасафа занялъ архимандритъ Макарій, утвержденный вмѣстѣ и ординарный профессоромъ. Макарій любилъ кабинетныя, ученые занятія, и къ инспекціи относился не горячо, можно сказать, только формально. Каждую среду вечеромъ онъ посѣщалъ въ №№ студентовъ, останавливаясь въ каждомъ № для бесѣды на нѣсколько минутъ. Въ столовую и спальни онъ рѣдко заглядывалъ; на то были помощники, строго соблюдавшіе правила инструкціи. Къ студентамъ относился онъ вѣжливо, но формально, и мало занимался вниканіемъ во внутреннее ихъ настроеніе, довѣря больше помощникамъ и старшимъ. Старшіе были въ наше время въ каждомъ №, и они ежемѣсячно подавали инспектору вѣдомость о подвѣдомыхъ ихъ надзору студентахъ съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ качествъ въ данное время. Старшіе въ наше время имѣли авторитетъ не малый. Помощниками инспектора состояли бакалавры—тогда іеромонахъ Теофанъ и іеромонахъ Іоаннъ. Они дежурили по днямъ аккуратно, хоть послѣдній, видимо, съ неохотою. О. Теофанъ былъ подвижникъ, и воплощенная кротость; о. Іоаннъ нерѣдко по своему гордому характеру позволялъ себѣ иногда выходки въ обращеніи неприличныя. Въ академической церкви инспекторъ самъ почти никогда не служилъ, хотя стоялъ обѣдню въ алтарѣ, развѣ съ преосвященнымъ ректоромъ, а это бывало раза два, три въ годъ. Не могло это не казаться намъ страннымъ. Богослуженіе совершали почти всегда священники студенты о. Герасимъ (скончавшійся Епископомъ Астраханскимъ), о. Рафаилъ (умершій архимандритомъ) и о. Никодимъ съ о. Андреемъ (тоже умершіе давно, первый въ санѣ архимандрита, а послѣдній—іеромонаха). Конечно, при этомъ страдала торжественность богослуженія. Сзади студентовъ во время богослуженія стоялъ всегда чередной помощникъ инспектора, какъ на утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, обыкновенно читавшихся поочередно студентами въ цер-

кви. Инспекція велась вообще строго формально; случалось что иногда изъ-за пустяковъ дѣлали цѣлую исторію. Такая мелочность иногда отзывалась на нѣкоторыхъ студентахъ очень грустными послѣдствіями, хотя послѣ они были вовсе недурны. О грубости или противорѣчіи начальству у насъ и рѣчи быть не могло. Отпуски въ городъ давались въ воскресные и праздничные дни послѣ обѣда только до 8 часовъ вечера по предварительной запискѣ въ книгу, гдѣ обозначалось, куда и къ кому идетъ студентъ, и по билету. Съ этимъ билетомъ каждый, возвратившись изъ города, являлся къ инспектору (и очень рѣдко къ помощнику), который лично отбиралъ билетикъ. Правда, блаженной памяти о. Юасафъ часто не выходилъ изъ кабинета для пріема, а кричить бывало оттуда: „Кто тамъ?“— „Такой-то студентъ пришелъ изъ города.“—Посмотрить билетъ и „ступайте“. Но при Макаріѣ этого не бывало. Малѣйшій запахъ вина или пива, или табаку, подвергалъ студента остракизму. Пьянство у насъ было немислимо. Каждый вечеръ послѣ ужина въ 9-омъ часу всѣ старшіе являлись вмѣстѣ къ инспектору съ устными рапортами. Большею частію это была прогулка взадъ и впередъ, ограничивавшаяся нѣсколькими минутами. „Все ли исправно?“ обычный вопросъ инспектора,— „все“—отвѣтъ; „ну и съ Богомъ“. Но случались и не разъ аудіенціи неприятныя. По какому-либо казусу инспекторъ разгорячится, а онъ былъ (Макаріѣ) вспыльчивъ,—и мы выслушиваемъ грозную рѣчь. Изъ-за пици очень рѣдко бывали пререканія; ибо столъ давали намъ хорошей вообще. Будь при современной намъ въ Академіи формальности у начальства больше души, сердечности и участливости въ положеніи студентовъ, жизнь въ Академіи была бы гораздо пріятнѣе. Впрочемъ, спасибо и за то, что мы видѣли и испытали. Всякое время имѣетъ свои особенности. При общей настроенности, во времена императора Николая—она не могла не отразиться и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Перехожу къ учебной части въ нашей Академіи въ наше время, оговариваясь, что я не буду писать характеристики всѣхъ наставниковъ.

Въ низшемъ отдѣленіи Академіи первоначально преподавалъ намъ философію профессоръ Карповъ. Въ наше время

ему уже было подъ 50 л.; но сила его ума и энергическаго чтенія, хотя и не всегда, проявлялась еще въ высокой степени. Въ предшествующихъ курсахъ, когда онъ былъ еще молодъ, онъ увлекалъ слушателей своими лекціями. Въ 1843 г. онъ находился подъ гнетомъ ректора Аванасія за какое-то якобы вольнодумство (совершенно мнимое) и потому замѣтнымъ казалось и для насъ въ немъ меланхолическое настроеніе. Философію онъ зналъ превосходно; въ первую треть онъ читалъ намъ психологію весьма занимательно, умно и живо вообще. Нѣкоторые особенные свои взгляды онъ оправдывалъ документально. Когда онъ увлекался, любо было смотрѣть на заслуженнаго профессора, а еще пріятнѣе слушать его. У меня доселѣ хранятся замѣтки по Психологіи, которыя набрасывалъ я въ классѣ, записывая оригинальныя мѣста профессора. Но недолго пришлось намъ слушать Карпова по философіи. Въ 1844 г. ему поручено было читать исторію философіи по настоянію ректора. И эту науку онъ преподавалъ по своему методу отлично, и выдавалъ записки вполнѣ удовлетворительныя. Виденъ вездѣ мастеръ дѣла. Приходилось много трудиться профессору по новому предмету. И видно было, что онъ съ сожалѣніемъ расстаётся съ прежнимъ предметомъ. Впрочемъ, кому изъ ученыхъ неизвѣстенъ Карповъ, превосходный переводчикъ Платона, авторъ введенія въ философію? Въ послѣдствіи, говорятъ, и онъ уже сдѣлался вялъ и забывчивъ, и надъ нимъ посмѣивались студенты. Карповъ былъ мыслитель сосредоточенный, весь погруженный въ дѣло, если онъ занимался имъ. Отсюда происходили и нѣкоторые забавные случаи. Помню, когда я уже былъ викаріемъ Петербургскимъ, однажды гуляя утромъ часу въ 12-мъ по Лаврской панелѣ, встрѣчаю Василія Николаевича съ портфелемъ безъ шляпы. „Куда вы В. Н.“ — „Въ классъ.“ — „А гдѣ же ваша шляпа?“ — „Ахъ, Боже мой забылъ дома“. Пришлось воротиться на квартиру, которая находилась близъ Лавры нашей. Студентомъ я хаживалъ къ Карпову частенько, то за книгами (онъ же былъ и бібліотекаремъ), то для бесѣды, какъ землякъ его, и лучший по его предмету. Бесѣды его чрезвычайно были занимательны и поучительны. Всѣ прочіе наставники, вышедшіе изъ нашей Академіи, были его учениками и относились къ нему съ особеннымъ уваженіемъ.

На мѣсто Карпова по философіи профессоромъ опредѣленъ былъ, читавшій философію въ С.-Петербургскомъ Университетѣ и директоръ Ларинской Гимназіи А. А. Фишеръ, излюбленный ректоромъ преосвященнымъ Аѳанасіемъ. Но какая разница между ними! Карповъ—это мыслитель самостоятельный, философъ по призванію,—Фишеръ—эклектикъ и притомъ скучный. Преподавалъ онъ больше по тетрадкамъ пѣвучимъ своимъ голосомъ монотонно. Такъ называемую Гносеологию читалъ по переводу съ нѣмецкаго языка Якоби. Метафизики вовсе и не касался. Однакожъ Аѳанасій, слушая нерѣдко лекціи Фишера, восклицалъ: „Прекрасно Адамъ Андреевичъ,“—а прекраснаго, для знающаго нѣмецкій языкъ, и новаго ничего не было. Логика преподавалась имъ по Эрлиху. Она была переведена Ловягинымъ и мною съ нѣмецкаго порядочно; но нравственная философія того же Эрлиха—*Philosophische Ethik* кѣмъ-то безобразно по-русски, и мы должны были изучать то, что въ Семинаріи гораздо лучше преподавалось. Увы! когда личность замѣшается въ дѣло, наука страдаетъ. Погрѣшилъ много Аѳанасій противъ Карпова, и уронилъ философію избравши Фишера, который былъ хорошимъ директоромъ Гимназіи и плохимъ профессоромъ философіи. Разъ далъ намъ Фишеръ предложеніе для сочиненія такое: „Что такое здравый смыслъ, и какое онъ имѣетъ отношеніе къ философіи?“ Тѣ, которые подъ здравымъ смысломъ разумѣли—естественный расудокъ, научно необразованный *sensus naturalis (integer)*—ясно и просто,—получили баллы плоховатые, а которые подъ здравымъ смысломъ разумѣли общій смыслъ—*sensus communis*, и наполнили свои разсужденія напыщенными фразами и иностранными терминами, получили хорошіе баллы на сочиненіяхъ. Неужели *sensus communis*—есть здравый смыслъ? Нѣтъ словъ однозначущихъ, а слѣдователи и понятій. И какъ скоро подъ *sensus communis* или подъ здравымъ смысломъ разумѣть—ходячія мнѣнія и сужденія, свойственныя людямъ въ извѣстное время, то развѣ всегда мы найдемъ въ нихъ здравый смыслъ?! Мало ли было вѣковыхъ заблужденій, считавшихся истиною, и потомъ замѣнившихся другими болѣе здоровыми сужденіями въ сферѣ чловѣческаго мышленія?

Словесность, ея теорію и эстетику преподавалъ намъ К. И. Луцицкій (недавно скончавшійся въ отставку). Онъ зналъ

свой предметъ отлично, читаль всегда съ приготовленіемъ и наизусть, изящно, обстоятельно и современно. Уроки мы, правда, отвѣчали по давно уже составленнымъ запискамъ Словесности (кажется ведущимъ свое начало отъ протоіерея Иванова, бывшаго профессоромъ); но слушали иначе во многомъ, и кто записываль лекціи за профессоромъ, конечно, громадную разницу видѣль. Особенно Лучицкій отличался хорошею критикою при разборѣ студенческихъ сочиненій. Онъ строго оцѣниваль и достоинства и недостатки сочиненій, что не могло не вліять на усовершенствованіе слушателей въ литературѣ. Критическій разборъ печатныхъ авторовъ извѣстныхъ очень интересоваль насъ. Къ этому прибавлю,—что Лучицкій отличался деликатностію и тактомъ педагогическимъ.

Математику и физику преподаваль профессоръ Ростиславовъ вполнѣ удовлетворительно, а физику—и занимательно. Лекціи его были, можно сказать, популярны, и онъ старался о томъ, чтобы каждый студентъ зналь дѣло. Физическій кабинетъ въ Академіи былъ полный, соотвѣтствующій современнымъ требованіямъ науки. Какъ профессора мы его уважали, и пожалуй, любили; но какъ человѣка не подлюбливали за его характеръ, колкій часто и насмѣшливый. Онъ же былъ довольно долгое время и при насъ экономомъ, и тутъ же его ѣдкаая иронія проявлялась въ столкновеніяхъ со студентами, хотя изъ себя онъ никогда не выходилъ, не горячился. Онъ же въ каникулы большею частію и должность инспектора исправляль,— и тутъ - то уже онъ обнаруживаль свою придирчивость къ пустякамъ неумѣстную и злостную. Самъ я не испытываль ее, но видѣль на опытѣ другихъ. Одѣвальный самъ мизерно и неряшливо какъ-то. Нерасположеніе свое къ монашеству выражалъ онъ при каждомъ удобномъ случаѣ разными насмѣшками; между тѣмъ предъ ректоромъ льстилъ и корчилъ изъ себя смиренника. По его интригѣ, чтобы не сказать подлой низости, о. Теофанъ, бакалавръ и помощникъ инспектора, впаль въ немилость у преосвященнаго Аѳанасія, и долженъ былъ оставить Академію, и уѣхать въ Іерусалимскую миссію, тогда какъ онъ ни въ чемъ не повиненъ, и чистъ какъ голубь. Впослѣдствіи, уже въ отставкѣ, онъ въ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Европы“, несомнѣнно интересныхъ, а

особенно въ громадной книгѣ о бѣломъ и черномъ духовенствѣ, напечатанной за границей, много излилъ желчи, и не пощадилъ черныхъ красокъ въ отношеніи и лицъ, которыя ему благодѣтельствовали и предъ которыми въ свое время онъ изгибался. Жаль, что этотъ человѣкъ, безспорно талантливый профессоръ, старый холостякъ—сдѣлался мн-зантропомъ, смотрѣвшимъ на людей критически, мрачно.—

По всеобщей исторіи слушали мы отца А. Ѡ. Орлова, читавшаго лекціи по Лоренцу, и всегда по литографированнымъ запискамъ монотонно и скучно. По русской исторіи—священника К. И. Боголюбова, преподававшаго по источникамъ съ приѣмами грубоватыми, скороговоркою—тоже не важно. Это истый новгородецъ безъ церемонности. Ни тотъ, ни другой авторитетомъ не пользовались.

Еврейскій и нѣмецкій языкъ преподавалъ Левисонъ. Это знаменитость своего рода, изъ раввиновъ принявшій православіе. Широкое его образованіе въ богословской иностранной, конечно, и талмудической премудрости, не подлежало сомнѣнію. И по виду онъ высматривалъ важно; зналъ хорошо свой предметъ, но пользы отъ преподаванія его, и по самому методу и по странностямъ, надъ которыми нельзя было не смѣяться,—выходило мало. Не образовалъ онъ знатоковъ языка. Кто въ семинаріи занимался дѣльно еврейскимъ и нѣмецкимъ языкомъ,—тотъ при собственномъ упражненіи и зналъ ихъ достаточно. Самъ Левисонъ и разряднаго списка не могъ составить безъ пособія студентовъ. Русскимъ языкомъ онъ владѣлъ плохо. Нужно напримѣръ перевести отъ еврейскаго: телець. и онъ думаетъ, морщить лбомъ, и вдругъ брякнетъ: „быкинъ сынъ“, къ общему смѣху. По характеру это былъ человѣкъ незлобивый, добрый, готовый всегда помочь бѣдному.

Французскій языкъ преподавалъ нѣкто Адольфъ Креси, занимавшій уроки и въ какомъ-то институтѣ. По-русски онъ зналъ нѣсколько словъ, напр. курица, яйцо, и еще нѣкоторыя, и такъ какъ свободно объясниться по-французски никто изъ студентовъ не могъ, то онъ при преподаваніи употреблялъ латинскій языкъ съ выговоромъ французскимъ, что было очень смѣшно. Методъ его ученія вовсе не подходилъ къ взрослымъ. Его Морсо, morçaux, которыя заставлялъ онъ

учить насъ, выводили изъ терпѣнія. И сколько смѣшныхъ сценъ выходило при его преподаваніи! Большинство и не слушало этого господина. Гораздо шло лучше дѣло, когда преподавалъ французскій языкъ бакалавръ Долоцкій до поступленія Креси. Въ 1861 г., въ бытность въ Парижѣ, явился ко мнѣ Креси, жившій бариномъ на русскія деньги съ Анною на шеѣ, и хвастался, что онъ училъ насъ отлично.

Въ высшемъ отдѣленіи Академіи основное богословіе и догматическое преподавалъ нашъ инспекторъ и профессоръ архимандритъ Макарій (скончавшійся Митрополитомъ Московскимъ). И въ наше время онъ уже приобрѣлъ извѣстность; слава его росла быстро. Занимался онъ много, и тщательно приготовлялъ лекціи. Говорилъ онъ всегда безъ всякой тетрадки и ходя; рѣдко очень садился на кафедру. Излагалъ онъ уроки обстоятельно и живо; но какъ бы заученно, и почти не останавливаясь, не прерывая рѣчи вопросамъ студентовъ, отъ чего подъ конецъ лекціи наше вниманіе ослабѣвало. Онъ очень дорожилъ своими лекціями, и любилъ отвѣты можно сказать буквальныя; отъ того репетиціи были для насъ тяжелы. Для отвѣтовъ на репетицію студентъ садился на кафедру. Нужна была огромная память, чтобы отвѣчать 10, 15 минутъ буквально, напримѣръ о подлинности Пятоннижія Моисея съ цитатами изъ древнихъ писателей. Двое изъ студентовъ И. Колосовскій и М. Розановъ однажды отличались буквалистикою (едва ли прилично студенту и сходили съ кафедры съ сіяющими лицами, получивъ похвалу профессора вслухъ: „прекрасно!“) Последній и степень магистра получилъ за зубристику. Злые языки студентовъ и Макарія прозвали копистомъ, пожалуй, и мѣтко.

Нравственное богословіе преподавалъ бакалавръ о. Теофанъ. Дѣлая еще первые шаги въ наукѣ, онъ какъ-то при объясненіяхъ сбивался. Мысли его отличались глубиною и новостію въ наукѣ, но излагались неопредѣленно такъ, что трудно было запомнить за нимъ отчетливо лекцію. Направленіе уроковъ о. Теофана было аскетическое и вмѣстѣ мистическое. Впоследствии, когда Теофанъ давно уже оставилъ должность бакалавра, свое ученіе онъ изложилъ въ прекрасныхъ письмахъ о христіанской жизни. Много его сочиненій теперь замѣчательныхъ, извѣстныхъ публикѣ. Высо-

кій подвижникъ, онъ не переставалъ назидать публику своими трудами, живя на покоѣ въ Вышенской пустынѣ (Тамбовской губерніи) въ санѣ Епископа. Этотъ святой старецъ очень близко подходитъ къ святителю Тихону Задонскому, и достойно читается всѣми.

Каноническое право преподавалъ о. Іоаннъ Соколовъ, переведенный въ нашу Академію изъ Московской. Уроки его мы слушали съ удовольствіемъ. Очень даровитый, онъ имѣлъ смѣлый полетъ мыслей и здоровую голову. Изъ скучнаго, повидимому, предмета онъ умѣлъ сдѣлать весьма интересный по манерѣ изложенія. Въ преподаваніи онъ много отличался отъ Макарія, говорилъ довольно медленно, возбуждалъ вопросы, и рѣшалъ ихъ превосходно. Особенно онъ обладалъ и критическимъ талантомъ. Помню, когда онъ разбиралъ Духовный Регламентъ, мы были въ восторгѣ. О. Іоанна мы по справедливости, думаю, считали выше Макарія, по его глубокому и самостоятельному уму. Къ сожалѣнію, своеобразный характеръ Іоанна и его нерѣдко страстныя выходки много повредили ему, и замедлили ходъ по службѣ. Жаль, что этотъ умный человѣкъ не пожилъ дольше въ архіереиствѣ.

Съ уваженіемъ вспоминается здѣсь и профессоръ Долоцкій Василій Ивановичъ, читавшій намъ Литургику. Лекціи его были спокойны, ровны и дѣльны. Самъ онъ держалъ себя всегда одинаково, не рисуясь предъ студентами. Упомяну коротко и о другихъ. Профессоръ протоіерей Кочетовъ преподавалъ церковную исторію по руководству Иннокентія Епископа Пензенскаго. Ученіе его было по книгѣ съ прибавленіемъ разныхъ анекдотовъ, повторяющихся каждый курсъ одинаково. Анекдоты скрапивали чтеніе, но пользы отъ нихъ не было, конечно. Наука исторіи не подвигалась впередъ. Патристику читалъ бакалавръ Лобовиновъ, отлично даровитый человѣкъ, но невѣрующій. Прекрасно излагалъ свой предметъ для уроковъ литографированныхъ, но при устномъ объясненіи онъ подсмѣивался надъ отцами церкви: по невѣрію и смерть его была,—онъ зарѣзался. Сравнительное богословіе читалось по Мейеру Бенескриптовымъ посредственно, но не полно. Св. Писаніе преподавалось разными перемѣнными и молодыми наставниками, къ крайнему сожалѣнію, неудовлетворительно. Да и нельзя было требовать

многаго отъ неопытныхъ наставниковъ. Сначала читаль уроки Голубевъ, однофамилецъ моему товарищу Моисею Александровичу Голубеву, впоследствии замѣчательному профессору по Св. Писанію, затѣмъ нѣкто Сперанскій, за нимъ Танильскій. Достойно сожалѣнія, что такой важный предметъ оставался какъ бы въ тѣни. Нынѣшняя постановка Св. Писанія и въ Академіяхъ и въ Семинаріяхъ не такая; она соотвѣтствуетъ важности дѣла.—

Вотъ и краткая характеристика нашихъ преподавателей. Полагаю, что мои товарищи по Академіи не станутъ ей противорѣчить. Думаю, что она безпристрастна. Пишу по воспоминаніямъ безъ всякой желчи и безъ прикрасъ.

Леонтій, Митрополитъ Московскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).
